

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ СИСТЕМНОЙ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

В мае 2001 года на одном из традиционных открытых заседаний Общества Семейных психотерапевтов и консультантов (ОСПиК) собрался “круглый стол” на указанную в заголовке тему. В его работе приняли участие психотерапевты, студенты, преподаватели семейной психотерапии различных московских учебных заведений: Института практической психологии и психоанализа (ИППиП), Московского городского психолого-педагогического института (МГППИ), Института Групповой и семейной психотерапии (ИГиСП), Института психотерапии (ИП), Академии практической психологии (АПП) при факультете психологии МГУ, а также спец потока факультета психологии МГУ. Кроме того, в дискуссии участвовали обучающие психотерапевты Австрийской семейной психотерапевтической ассоциации (АФРА), работающие в московском центре Европейского психотерапевтического образования. Присутствовали редакторы ведущих журналов и изданий по психологии и психотерапии.

Участникам “круглого стола” были предложены для обсуждения следующие вопросы:

- 1. Уровень и характер первого образования, необходимого для получения доступа к обучению в области семейной психотерапии.*
- 2. Семейная психология или системный подход?*
- 3. Необходимый и достаточный объем знаний и умений семейного психотерапевта. Формирование системного мышления.*
- 4. Модификация западных подходов к семейной психотерапии в русской культурной среде.*
- 5. Интеграция базовых представлений о функциональности семьи в процессе обучения.*

Ниже воспроизводится содержание состоявшейся дискуссии.

- Проблема исходного образования, с которым приходят к нам те, кто хочет получить подготовку в области семейной психотерапии, возникла не случайно. Сегодня ни в Москве, ни в других городах России и ближнего зарубежья не существует первого высшего образования по психотерапии. Психотерапия преподается в формате постдипломного обучения как второе высшее образование или повышение квалифика-

ции (углубленная подготовка и специализация). До сего дня ситуация такова, что получить это образование могут специалисты с любым первым высшим образованием. Однако и западный, и отечественный опыт преподавания семейной психотерапии показывает, что качество усвоения специальных знаний в значительной мере зависит от характера первого образования наших студентов. По этому поводу на “круглом столе” прозвучали следующие мнения:

А.Лидерс (главный редактор журнала “Практический психолог”, преподаватель факультета психологии МГУ): Мне кажется, что вопрос о характере первого образования, с которым приходят в соответствующие институты будущие специалисты по психотерапии, излишен. Вопрос надо ставить иначе. Семейные психотерапевты должны иметь свое собственное специальное базовое образование, которое они смогут получить в специальных учебных заведениях. Вот клинические психологи “пробили” свое базовое образование, и теперь у них в дипломах значится: “клинический психолог”. Семейным психотерапевтам необходимо сделать то же самое.

А.Киртоки (практикующий психотерапевт, член ОСПиК): Если обучать людей с любым первым образованием и давать им специальную подготовку в области семейной психотерапии, то, выходит, можно обучать людей без высшего образования вообще.

Е.Вроно (член правления ОСПиК, преподаватель ИППиП): Та система, которая принята в Институте практической психологии и психоанализа, представляется мне оптимальной. Характер базового образования специалиста влияет на объем и продолжительность обучения основам психотерапии в течение его первых трех лет. Например, психологу и медику могут быть зачтены те курсы, которые они уже получили в рамках первого высшего образования. Это же обстоятельство влияет и на стоимость обучения.

Т.Снегирева (главный редактор Московского психотерапевтического журнала, ведущий научный сотрудник Психологического института РАО, преподаватель МГППИ): Столь же гибкая система и в МГППИ. Для специалистов с любым высшим образованием здесь существует формат второго высшего образования (пять лет обучения). Выпускники психологических, медицинских и педагогических институтов могут получить подготовку в области психотерапии на курсах и стажировке разной длительности – от одного (“шестой курс” для выпускников психологических институтов) до трех с половиной лет. Абсолютно все, независимо от длительности обучения, проходят дидактическую психотерапию, в ходе которой получают клиентский опыт.

Г.Кламмер (обучающий психотерапевт из Австрии): Мы так же, как и вы, но только десять лет назад много дискутировали на эту тему. И пришли к идее, что, с учетом специфики нашей профессии, действительно важны не столько наличие высшего образования, сколько личностная готовность к

помогающей деятельности и психологическая зрелость, которая приходит к человеку по мере его взросления. Принятый у нас возрастной ценз для начала обучения специальности психотерапевта – 25 лет и старше. В программу подготовки семейного психотерапевта обязательно входит самопознание, личностная проработанность, что часто гораздо важнее, чем теоретические знания.

Т.Снегирева: Это, конечно, так. Но тема первого образования приобретает у нас сегодня особую остроту. Согласно одному из обсуждаемых ныне законопроектов о психотерапии (проект Российской психотерапевтической ассоциации) последняя определяется как самостоятельная *медицинская* специальность. Соответственно, доступ к этой специальности, в рамках медицины и при условии получения дополнительного образования, кроме врачей, получают еще только две категории профессионалов – клинические психологи и социальные работники. Для прочих специалистов право на доступ к профессиональному психотерапевтическому образованию и, соответственно, к профессии психотерапевта ставится под сомнение. Пока это всего лишь проект, не имеющий силы закона, но как знать, что нас ожидает...

- В названиях ряда специальных журналов и профессиональных сообществ наряду с термином *семейная психотерапия* употребляется термин *семейная психология*. Границы применения этого последнего термина не вполне понятны. Кроме того, кажется разумным провести границу между *семейной психотерапией* и *системным подходом*. При обсуждении второй из проблем, предложенных для обсуждения участникам круглого стола, данные темы затрагивались в первую очередь.

Т.Драбкина (член правления ОСПиК, практикующий психотерапевт, преподаватель ИППиП): Я думаю, что в программу подготовки семейных психотерапевтов обязательно должен быть включен системный подход как таковой. Психоаналитическая теория в Институте практической психологии и психоанализа преподается с первого года обучения. Курс семейной психотерапии начинается позже, и он преподносится как сумма неких практических методов, которые в целом трудно сочетаются с психоаналитической теорией. Легко представить, какая мешанина возникает в головах студентов. Между тем, у системной психотерапии есть своя достаточно мощная концептуальная основа – общая теория систем. На мой взгляд, если одновременно начинать преподавать системный подход и психодинамическую теорию, это не вызывало бы такой путаницы... Системный подход с одинаковым успехом может применяться в психотерапии, психологии, педагогике, медицине, в организации производственного процесса – то есть в разных сферах современной науки и практики.

Г.Будинайте (член правления ОСПиК, преподаватель спецпотока факультета психологии МГУ, МГППИ): Говоря о системном подходе в семейной психотерапии, нельзя не отметить одно наметившееся там в последние годы решающее изменение. В чем оно состоит? Всегда полагалось, что есть некая система (неважно какая – семья, организация и т.д.) и есть человек, который ее исследует. Упомянувшийся выше сдвиг произошел в следующем. Психотерапевт, или команда психотерапевтов, которые до сего момента исследовали систему, оставаясь не включенными в нее, стали рассматриваться как часть системы. Благодаря этому не так уж важно стало, кто именно входит в систему, – группа людей или всего лишь один человек (клиент) и терапевт, потому что эти двое вместе тоже образуют своего рода систему. И на этом основании можно реализовывать особый терапевтический подход и особое терапевтическое взаимодействие, не предполагающее, что обязательно должна быть некая группа людей на том полюсе, которому противостоит психотерапевт (или команда терапевтов). В силу этого я, похоже, согласна с Т.Драбкиной в том смысле, что прерогатива семейной психотерапии быть именно системной потихоньку утрачивается. Подобное впечатление создается, когда знакомишься с так называемыми постмодернистскими подходами в семейной психотерапии. Но прежде должно было измениться (или родиться новое – как угодно) само понятие системы. Система перестала быть исследуемым нами, т.е. психотерапевтами, объектом. Мы сами как система включились в нее, став ее частью.

Л.Кроль (директор издательства “Класс”, а также Института Групповой и семейной психотерапии): Мне кажется, что “системный”, “комплексный”, “интегральный” и пр. – это некие торговые марки, которые сами по себе обозначают всего лишь некоторую новую ступень, сравнительно с тем, что было до того. И первая, или классическая, семейная психотерапия все-таки полнее отражает основу, содержание и дух профессии системного семейного психотерапевта... А остальное – не более, чем дань моде. Хотя, конечно, каждый представитель новой “марки” будет пытаться как-то отграничить ее от остальных...

Т.Снегирева: Охотно присоединяюсь к этому мнению. Рыночные отношения, которые распространяются и на психотерапию, предполагают возможность, даже неизбежность “износа” традиционных школ и необходимость их периодического обновления. Тем не менее, значение этих никогда по настоящему не стареющих школ таково, что они отнюдь не случайно образуют основу профессионального базового образования семейного психотерапевта. А все остальное, действительно, в каком-то смысле вторично.

А.Шапиро (старший научный сотрудник Института дошкольного образования и семейного воспитания РАО): Я хотел обратить внимание на то, что мы сейчас говорим о семейной психотерапии, а не о семейной пси-

хологии. Это разные вещи – семейная психология и семейная психотерапия. В том числе и в университетском образовании. И хотя семейная психология выделена как предмет, который входит в образовательные программы, не вполне понятно, что это такое на самом деле. Что это – часть детской психологии, или клинической, или, может быть, часть педагогической психологии? А может, социальной, или даже психологии личности? Мы не знаем, что такое семейная психология. Что такое семейная психотерапия – хорошо известно, а о семейной психологии этого сказать нельзя. Но вот западный опыт, в частности, американский... В Американской психологической ассоциации есть секция семейной психологии. И там психологи действительно занимаются семейной психотерапией. Это нужно иметь в виду. И, как мне кажется, для нас чрезвычайно важно понять, как входит семейная психология в рамки академической – во-первых, и в рамки педагогической психологии – во-вторых. И как все-таки она связана с семейной психотерапией.

А.Варга (председатель правления ОСПиК, зав. кафедрой системной семейной психотерапии ИППуП): А зачем нам это понимать? Почему это так важно?

Е.Жорняк (семейный психотерапевт, преподаватель ИППуП): А все-таки что такое семейная психология?

А.Шапиро: Вот я и говорю, что это неясно не только для нас, но и вообще в мире. Насколько я понимаю, в США это просто обозначение круга семейных психотерапевтов, которые имеют базовое психологическое образование. В содержательном же смысле это пока что не область психологии, а набор теорий и фактов из разных ее областей. Я хочу сказать, что если мы хотим говорить о семейной психологии как таковой, то нам ее нужно создать. И при этом необходимо различать семейную психологию и семейную психотерапию. Это синонимы для вас? Не синонимы. То и другое нуждается в различении. Именно на это я и хотел обратить внимание.

А.Лидерс: Мне кажется, что все те различения, о которых шла речь, очень важны, но пока не понимаю, к кому присоединиться. Правильно ли я понимаю, что теория систем существовала до семейной терапии и до семейной психологии и поныне существует независимо? Мы ее не касаемся. То, что существует независимо, это не наше дело. Ведь так? Когда же мы говорим про системный подход, то имеем в виду, прежде всего, то, что, несомненно, является стадией развития семейной терапии. Я так понял из ваших слов? Это и некоторая современная стадия, отражающая приоритеты 90-х годов. Это некоторый системный подход, который уже выходит за пределы семьи и, более того, я скажу, за пределы терапии. И тогда с чего начинать? Начинать с более древнего...

Е.Вроно: Мы, таким образом, опять пытаемся вернуться к преподаванию...

Г.Кламмер: Для меня все-таки осталось не ясным, почему вопрос о различении семейной психологии и системного подхода в семейной терапии приобрел такое значение?

А.Варга: Это некие термины, которые используются, например, в названиях журналов, в названиях статей. И раз они присутствуют в этих названиях, значит, видимо, те, кто их использует, что-то имеют в виду.

Т.Снегирева: Более того, не только в США, но и в Москве, скажем, в Московском университете, есть высокого уровня профессионалы, которые идентифицируют себя именно с семейной психологией. Говоря о себе, они даже стараются подчеркнуть: “мы не семейные психотерапевты, мы – семейные психологи”. Формировались они как академические, преимущественно детские, психологи и многие до сих пор остаются таковыми. На каком-то этапе своей работы им стало понятно то, в чем убеждены и мы, семейные психотерапевты, – что психологией ребенка нельзя заниматься в обход семьи. Таким образом, был совершен переход от детской психологии к семейной. Консультируя, эти специалисты фокусируются не только на проблемах развития личности ребенка, но и на широком спектре вопросов детско-родительских отношений. Для меня самой так же не вполне понятно содержательное и тематическое наполнение семейной психологии как самостоятельной области. По моим представлениям, здесь интегрируется знание о семье в тех ракурсах, в каких оно представлено в самых разных областях академической психологии – детской, возрастной, психологии личности, социальной, а также и в классической системной семейной психотерапии, включая, например, теорию жизненного цикла семьи и пр. В принципе, мне неоднократно приходилось слышать мнение, что в рамках второго высшего образования этой дисциплине должно найтись место. В этом случае в учебных планах семейная психология должна предварять курс системной семейной психотерапии.

Л.Баз (клинический психолог, старший научный сотрудник НЦПЗ РАМН РФ, член ОСПиК): Более того, есть профессионалы из других областей знаний, которые также считают себя специалистами в области семьи и семейных отношений, – например, педиатры, врачи, юристы, сексологи. Их консультативная деятельность сводится к советам.

Г.Кламмер: В Австрии “family psychology” (семейная психология) – чисто университетская академическая дисциплина, не имеющая отношения к прикладной семейной психологии. И даже когда готовят специалистов других помогающих профессий, например, патронажных сестер, социальных и семейных медицинских работников, то эта дисциплина не входит в учебную программу.

Я бы еще добавила, что мы, практики, не используем термин “семейная психология”. В Австрии семейная психотерапия появилась намного позже, чем в США. Но особых противоречий между нами нет, потому что обучение

семейной психотерапии начинается у нас с обучения системному подходу в широком понимании.

Е.Вроно: Сделаю еще одно замечание к вопросу о семейных специалистах. Семейный специалист, семейный врач, например, – это специалист такого широкого профиля, что у него практически нельзя лечиться. Он существует для того, чтобы обнаружить у своих подопечных повод для обращения к специалисту. Везде, где на это есть деньги, существует семейный доктор. Но у него не лечатся, а только наблюдаются.

Э.Бурчаганов (практикующий психотерапевт): Существует современная системная теория, ее автор – немецкий социолог Николас Луман (Niklas Luhmann), которая после теории Людвиг Берталанфи считается новой “ступенькой” в развитии системного анализа. Так вот, Луман не уделяет никакого внимания не только семейной психологии, но и семейной психотерапии. Он подчеркивает важность идеи терапии системы как таковой, где адресат помощи – не отдельные субъекты, а именно та или иная социальная система. С этой точки зрения, психотерапевтическая помощь семье представляет собой просто один из вариантов реализации идеи терапии социальной системы. Исходя из этого, *системная терапия* могла бы быть отдельной специальностью, а *системная семейная психотерапия* – одной из специализаций в рамках этой широкой специальности.

А.Черников (член правления ОСПиК, преподаватель семейной психотерапии в ИППиП и Академии практической психологии при МГУ): Мне кажется, что мы уделяем этому вопросу столь большое внимание по той причине, что системный подход в России не достиг той степени известности и популярности, при которой о нем был бы достаточно глубоко осведомлен широкий круг специалистов. А между тем, во многих западных концепциях теория ушла настолько вперед, что и системный подход в психотерапии начинает всячески модифицироваться, развиваться. Складывается парадоксальная ситуация: в России еще не известна та классика, которую давно уже обогнали на Западе.

А.Варга: Если я правильно все поняла, то получается, что обозначенной в программе круглого стола альтернативы – семейная психология или системный подход – не существует. Тем не менее, можно сказать, что для преподавания семейной психотерапии системный подход – вещь актуальная, а семейная психология – нет.

Г.Будинайте: Системный подход в преподавании – это, так или иначе, преподавание не только семейной психотерапии...

А.Варга: При преподавании семейной психотерапии принципиально важно обучение студентов системному подходу в широком его понимании. Есть классическая общая теория систем и системный подход как универсальный общенаучный принцип... А к психотерапии семьи он стал применяться гораздо позже. Я преподаю семейную психотерапию и мечтаю,

чтобы у нас был курс по общей теории систем. Мне кажется, это было бы разумно. Такой курс формировал бы у студентов некоторую культуру мышления... Есть какие-то возражения?

А.Лидерс: Поясню, почему я так настойчив в определении понятий. На мой взгляд, нет системного подхода вообще – есть системный подход где-то. Есть общая теория систем, а системный подход, например, – в деятельности. И школа Г.Щедровицкого прекрасно его реализовала. Значит, все-таки в семейную терапию попали некоторые идеи из общей теории систем, те, которые были необходимы для ее развития. И, значит, это – прикладной подход. Это действительно системный подход, но, несомненно, не общая теория систем.

А.Варга: Видите ли, мы пытаемся создать проект эффективного преподавания, некую его идеальную модель. В основе классической системной семейной психотерапии лежит системный подход – в его прикладном значении. Но когда он пришел в семейную психотерапию, то к тому времени понятия “система” и “системный подход” уже завоевали статус общенаучных понятий, став некой новой ступенью в познании, теории, в развитии целого ряда традиционных и новейших наук, в области практики. И я подчеркиваю именно эту сторону дела. Тогда что все-таки получается: в широком смысле или в прикладном?

А.Лидерс: В прикладном, но в развитии.

А.Варга: Хорошо, тогда я имею в виду идею системного подхода в широком смысле, подразумевая под этим, по крайней мере, историю развития и приложения системного подхода не только к семейным системам. История развития подхода и разные области его применения... Введя такое измерение в преподавание, мы будем способствовать тому, что у наших студентов будет быстрее формироваться системное мышление.

А.Лидерс: Бывает не системное мышление?

А.Варга, Г.Будинайте: Бывает, бывает! Линейное мышление бывает...

Е.Вроно: Переходим к третьему вопросу...

- *Необходимый и достаточный объем знаний и умений семейного психотерапевта. И то, о чем участники встречи уже начали говорить: формирование системного мышления.* Третий вопрос организаторами “круглого стола” был поставлен потому, что требовалось понять, во-первых, существуют ли специальные предметы в данной области, без преподавания которых невозможна выработка системного мышления. И, во-вторых: речь в данном случае должна идти о *содержании* или/и о *способе преподавания*?

А.Лидерс: Мне нравится понятие “системное мышление”. Есть понятия “историческое мышление”, “химическое мышление”, “математическое мышление”... Все это рядом или что-то другое? Они не рядом, нет. Для меня

мышление есть некая характеристика познавательных структур, а что за пределами? Не знания и умения, а онтология. Что надо передавать? Знания и умения и, в частности, системное мышление, или все-таки надо ориентировать человека в онтологии? А у каждой науки – своя онтология. Если вы будете формировать у человека системное мышление, он уйдет в другую науку, построит себе новую онтологию, с учетом своего системного мышления, и будет работать там. А если вы приведете его к своей уникальной онтологии (ясно, что у врача она – одна, у психолога – другая, у юриста – третья, а у математика – четвертая), то он, все-таки, – ваш. Ваш!

Т.Драбкина: Почему? Почему разные онтологии? Я меняла профессию несколько раз. Что происходило с моей онтологией?

Л.Кроль: Просто онтология искала себя и двигала Таней Драбкиной. То есть онтология – это некая сущность, летающая где-то там? Это объективная идея Платона, что ли?

Т.Снегирева: Убедительнее всего онтологическую суть системной семейной психотерапии выразил К.Витакер, в почти одиозно звучащем подзаголовке: “Я не верю в людей – только в семьи”. И в другом: “Человек – член семьи”. Не более...

Э.Бурчаганов: Вообще этот третий вопрос практически так же формулируется в журнале “Системные исследования” (“*Systems Research*”). Лет пять назад один из его номеров был полностью посвящен дискуссии о том, как решать задачу формирования системного мышления. Но я хочу привести лишь один красноречивый пример. Некто Рудольф Окофф (Rudolf Aschoff), один из ведущих современных системных аналитиков, предложил “психогенетическую теорию личности”, в которой теоретические воззрения на систему успешно соединены с функционированием реальной семьи. Он не ставил перед собой цель разработки семейной психологии, но применение системных знаний к развитию ребенка позволило ему получить некий вариант семейной психологии. И этот вариант весьма похож на то, что используется в практике семейной психотерапии.

А.Варга: Что Вы имеете в виду?

Э.Бурчаганов: Просто я еще раз хотел подчеркнуть, что теория и практика функционирования систем – это, действительно, передний край науки, рядом с которым такая дисциплина, как семейная психология, невольно оттесняется на периферию.

А.Варга: На самом деле, формулируя этот вопрос, мы полагали, что разговор пойдет о курсах, о дисциплинах, которые должны быть включены в программу, т.е. будет совершенно конкретным. “Достаточный объем знаний и умений системных семейных психотерапевтов”...

Б.Шапиро (декан ф-та социальной работы Международной школы менеджмента): По-моему, это несовместимые понятия. Умения – это одно, мышление – совсем другое.

Т.Снегирева: Почему? Мне кажется, это не совсем так. В рамках самой семейной психотерапии, с учетом ее фрагментарности и взаимодополнительности, которая достигается благодаря многообразию составляющих ее авторских школ, формируется как системное мышление, так и необходимые для семейного терапевта практические умения. Каждое из направлений, во всей их непохожести друг на друга, – яркая и своеобразная иллюстрация применения системного мышления. И вот, когда прослеживаешь существующие между ними совпадения и различия, осваиваешь разнообразные техники работы – в гибкости этих переходов как раз и происходит практическое формирование системного мышления.

Б.Шапиро: Можно ли так понять, что любой человек, который обладает всеми этими конкретными знаниями, является носителем системного мышления?

Т.Снегирева: В целом, да. Ну, может, носителем системного мышления не вообще, а в определенной области, – где дело касается института семьи, детско-родительских и супружеских отношений, вопросов развития в семье и пр. И при условии, что эта цель систематически и с необходимой гибкостью ставится в ходе обучения, при разборах клинических случаев, последующих супервизиях и пр. Хотя, конечно, оптимальный вариант для формирования такого рода мышления – общий курс теории систем, а потом уже – их применение в коммуникативной теории и в семейной терапии.

Б.Шапиро: Идея такая, что можно разработать некий учебный план с определенным количеством дисциплин, который будет способствовать формированию у человека системного мышления. Я правильно понимаю? И включать в себя знания и умения по семейной психотерапии...

Т.Снегирева: Примерно так, с оговоркой, что речь идет, прежде всего, о подготовке в области семейной психотерапии, где, естественно, на первом плане остается онтология самой системной семейной психотерапии.

Т.Драбкина: Я чувствую, что мое системное мышление пока никак не сформируется, что для меня это очень сложно, потому что есть очень большой соблазн занять позицию эксперта и ставить диагнозы. Это как-то очень успокаивает в работе с клиентом. На мой взгляд, подобная позиция совершенно не системна. А в традиционных классических школах, представленных, скажем, С.Минухиным или Дж.Хейли, это тоже есть. Для меня практика формирования системного мышления связана с другими ориентирами, где вместо установки психотерапевта на экспертную позицию и диагнозы на первый план выдвигается другая – позиция “незнания”. Разумеется, это не то незнание, которое ввергает в хаос, а – предполагающее определенную структурированность. Имеется в виду все, что связано с формированием цели терапии, ее этапами, контрактами... Мне кажется, что развить эту установку в себе на самом деле достаточно сложно, потому что она идет вразрез с тем, что было усвоено ранее. Я имею в виду ситуацию,

когда я училась (может быть, у молодого поколения все уже иначе): вот дается некое экспертное знание, и оно становится твоим основным профессиональным ориентиром. И когда встречаешь что-то незнакомое, то для того, чтобы начать с ним взаимодействовать, требуется его как-то определить, – встать в позицию эксперта. Это привычная, традиционная манера. На мой взгляд, в системном мышлении ситуация совершенно другая.

Г.Будинайте: Можно формировать классическое системное мышление, чтобы видеть, допустим, циркулярную зависимость в семье как некоем объекте, который мы наблюдаем, как правило, квалифицируя эту семейную систему в качестве дисфункциональной, чтобы сразу же начать с этим бороться. И можно формировать системное мышление, рассматривая эту же семью с точки зрения ее конструктивности, функциональности, стараясь разглядеть заложенные в ней возможности к конструктивному продвижению. Это разные типы системного мышления в семейной психотерапии. Можно формировать один, а можно – другой. С этой точки зрения, только тогда, когда классический системный терапевт начинает видеть внутрисемейные зависимости как циркулярные и обретает способность понимания природы симптома в контексте функционирования семейной системы в целом, можно считать, что у него сформировано системное мышление. А есть вариации на тему системного мышления, когда человек, который наблюдает некий объект, сам является частью системы, и из этого происходят совершенно другие терапевтические действия.

Е.Вроно: Мы сейчас говорим об обучении, а это предполагает наличие некоторых стандартов, некоторых нормативов и довольно мало творчества. Тогда нужно решить: для адекватного и идеального образования, о котором мы сейчас все вместе мечтаем, нужно преподавать классический взгляд или в учебную программу необходимо включать все то новое, что возникло со временем и характеризует современную новейшую семейную психотерапию?

Реплики с мест: И то, и другое!

Е.Вроно: В каком объеме, на каком этапе, в рамках какого обучения? Про это мы можем говорить или нет?

Г.Будинайте: Можно я еще скажу про свой опыт? В этом году я взялась прочитать два курса – один на спецпотоке в МГУ, другой – на факультете психологического консультирования в МГППИ. Что касается передачи классического взгляда на системность и последующей попытки создать у студентов представление о системном мышлении в его постмодернистских вариантах, у меня создалось впечатление, что все-таки тут заключена большая сложность. Я убеждена, что когда готовят специалистов с дипломом семейного психотерапевта, классическая системная семейная психотерапия должна быть поставлена в основу базового курса. Но когда сравнительно долго формируешь у людей взгляд на семью как на системный

объект, а потом пытаешься приобщить их к новым теориям, которыми мы в последнее время увлечены и которыми все тут занимаемся, то это дается довольно трудно. Тем не менее, хотя бы просто подвести студентов к пониманию того, что сейчас само системное мышление в психотерапии претерпело изменения, необходимо. А дальше, наверное, дело за идеологическими убеждениями и взглядами самого преподавателя.

А.Варга: Я совершенно не возражаю, но думаю, как это можно было бы сделать технически. Заниматься супервизией случаев с помощью рефлексивной команды?

Г.Будинайте: Возможно.

А.Варга: Обучение построено таким образом, что оно включает людей, которые несут знания, и тех, кто их получает. В таком случае сама эта традиционная модель обучения противоречит принципам постмодернизма в психотерапии.

Е.Жорняк: Интересно, как самим создателям или тем, кто выступает носителем и транслятором постмодернистской идеологии в психотерапии, удастся обучать в этом новом ключе, избегая позиции преподавателя как эксперта и невольной оппозиции “учитель-ученик”?

Г.Кламмер: Это очень не простой вопрос. Если вы исходите из нарративной модели, то предполагается, что вы как бы ничего не знаете, что есть только некие ваши соображения и верования, то есть убеждения, которые присутствуют в вашем сознании в данный момент. Вы не можете вообще избежать какой-либо позиции, но в то же время надо ясно понимать, что у каждого человека она своя и они все разные, и все одновременно присутствуют. Мы стараемся руководствоваться только соображениями полезности определенных знаний, и постоянно меняем те знания, которые даем студентам... И студенты, кстати, меняют нас. Как уже было сказано, мы все – часть процесса и все мы – части одной системы, преподаватель и студенты так же, как психотерапевт и клиенты. Мне хочется сделать одно критическое замечание... Этот подход очень хорошо работает, когда вы хотите добиться изменения – своих клиентов или самих себя. Но кто может претерпеть так много изменений? В жизни нам приходится иметь дело и с конструктивным подходом, и с механистическим мышлением. То есть когда вы пытаетесь изменять клиентов или студентов – это одно. Но если вы хотите выжить в профессиональном мире, нужно и кое-что другое.

Н.Манухина (семейный психотерапевт, преподаватель ИППуП): Не могу не рассказать об одном интересном, на мой взгляд, опыте. В этом году вышли в свет книги Г.Бейтсона и П.Вацлавика. В книжных магазинах они появились тогда, когда в ряде наших учебных групп уже завершился курс лекций по системной семейной психотерапии. Но при первой возможности общий системный подход и коммуникативная теория Г.Бейтсона были включены в программу. Полученный эффект говорил сам за себя. Студен-

ты, освоившие этот материал, явно выигрывали, сравнительно со своими предшественниками, которые его не проходили. Первые с большей готовностью начинали мыслить системно, легче понимали наши случаи, смелее строили круговые гипотезы. С меньшим сопротивлением они шли и на перестройку этого мышления. Все это приводит к выводу, что включение общеметодологических понятий теории систем и теории коммуникаций продуктивно воздействует именно на формирование системного мышления в процессе обучения и далее при отработке практических навыков. Невозможно практиковать системную терапию, если системное мышление не “поставлено” в ходе обучения. Его формирование – процесс длительный и постепенный.

Э.Бурчаганов: Мне кажется привлекательной модель формирования системного мышления, изложенная Дж.Хейли в книге “*Problem-Solving Therapy*”. Он утверждает, что обучение семейной терапии наиболее эффективно, когда студент получает ответы на свои вопросы по мере их возникновения в процессе обучения. Иными словами, в рамках одного занятия студент должен быть включен в некий повторяющийся цикл наблюдения, вопросов и ответов. Сначала он приобщается к практике психотерапии, сидя, например, за зеркалом Гезелла и наблюдая за работой профессионала, в результате чего у него возникают вопросы: а что я вижу, как это понимать? Затем он получает ответы на свои вопросы от преподавателя. Конкретное знание приобретается в форме ответа на конкретный вопрос, который сформулирован в соответствии с уровнем профессиональной подготовки, достигнутой обучающимся. Благодаря этому процесс обучения сближается с привычным способом научения в повседневной жизни. Устанавливается связь между обучением семейной психотерапии и накоплением студентом личного жизненного опыта. Как я понял Дж.Хейли, выдвинутый им принцип обучения – *learning-by-doing* – реализуется при участии рефлексивной команды профессионалов.

А.Варга: То есть получается, что вопрос о знаниях и умениях – вообще ненужный вопрос?

Э.Бурчаганов: Нет... Просто важна определенная последовательность приобретения знаний: сначала опыт – потом знания, систематизирующие данный опыт. Кроме того, как мне кажется, полезно самому получить клиентский опыт (не индивидуальной, а именно семейной психотерапии). Я, например, после изучения семейной терапии с позиции и в роли клиента совместно с моей собственной актуальной семьей совершенно иначе воспринимаю знания, которые получил ранее, до этого опыта.

Е.Чеботарева (семейный психотерапевт, преподаватель психологии УДН): Мне приходит на ум конкретный пример, касающийся того, о чем говорили Таня и Эдуард. Формирование системного мышления происходит, в числе прочего, и на анализе конкретных случаев, на тренингах. Но для

этого, конечно, уже нужны какие-то базовые знания, чтобы понимать, о чем идет речь. И я помню до сих пор, как А.Я.Варга рассказывала нам какой-то клинический семейный случай, ну а мы, имея уже какие-то предыдущие курсы в голове, говорим: “Ну, это происходит потому, что он шизоид, а она истероид”. Анна Яковлевна отвечает: “Да, возможно, и так, но я это вижу по-другому”, – и начинает объяснять. Вот это и есть постепенное формирование другого видения ситуации, другого мышления. Потом мы то же самое делаем на симулированных семьях, работая в качестве терапевтов. Мы работаем в одном ключе, и как только делаем ошибки, то тут же указываем друг другу, где мы уклонились от системного мышления и перешли к привычной линейной причинности. Эти вещи систематически отслеживаются, и так постепенно формируется системное мышление.

А.Варга: Мне кажется, что в итоге нашего обсуждения заключительная формулировка должна предусматривать не определение некоего статичного объема знаний и умений, необходимого для будущего специалиста в области семейной психотерапии, а *формирование системного мышления, которое происходит, действительно, в самом процессе взаимодействия педагога и студентов*. И тогда надо все-таки уходить от привычной модели обучения и переходить в режим работы рефлексивных команд.

Итак, системное мышление в семейной психотерапии формируется, скорее, не посредством получения определенного объема знаний и умений, а более всего – в процессе взаимодействия преподавателя, студентов и клиентов в реальных или симулированных условиях, в процессе супервизии случаев с помощью рефлексивных команд.

- Четвертый вопрос: модификация западных подходов к семейной психотерапии – в российской культурной среде. При формулировке этого вопроса нас интересовала следующая проблема: *возможно ли применение западных методик и техник в России в их аутентичном виде?*

А.Черников: Мне кажется, что тут недостаточен накопленный опыт, чтобы обсуждать эту тему. Можно обсуждать только отдельные западные методики, одни из которых работают лучше, другие – хуже. Это зависит еще и от того, насколько мы продвинулись в нашей работе. Лет десять назад я, например, прочитал книжку по бихевиоральному подходу в супружеской терапии. Когда я захотел воспользоваться этим методом, то пришел к выводу, что бихевиоральная терапия совершенно не работает в России, с русскими клиентами. Сейчас, спустя десять лет, я могу сказать, что кое-что работает, кое-что получается. Поэтому я не взял бы на себя смелость судить, какие методы подходят, а какие не работают. Это зависит еще и от нашей квалификации, от способности думать, от освоенности этих подходов.

У меня осталась также небольшая реплика по третьему пункту, касающаяся “необходимого и достаточного объема знаний и умений”. Мне кажется, что нам пока сложно рассуждать на эту тему. У нас еще нет конкурирующих школ, которые могли бы похвастаться несколькими выпусками семейных психотерапевтов. Мы можем говорить лишь о том, что где-то подготовка лучше, а где-то хуже, здесь не хватает того-то, а там – этого. Но все мы пребываем пока в процессе становления. И хотя мы находим отдельные продуктивные идеи, однако возможности сравнивать разные конкурирующие модели у нас пока нет.

А.Варга: Спасибо за реплику. Но продолжим обсуждение четвертого вопроса. Каждому известны случаи модификации методик, обусловленные влияниями культурной среды. Чем большим числом методов ты владеешь, тем более ты универсален. Но вот, например, для понимания циркулярности очень важно понятие ответственности. И во всех англоязычных книгах широко используется: понятие “равной ответственности”. Описывается, допустим, проблемная семья с младенцем, и при этом утверждается, что у младенца ответственность за семейную динамику такая же, как и у его родителей. Все протестуют, потому что ответственность в русской культурной среде отрицательно коннотирована. И приходится заменять “ответственность” на “вклад”: “равный вклад”. (*А.Черникову*): И ты, Саша, наверняка согласишься, что сюжеты, которые возникают в ходе семейной реконструкции, когда ты ее делаешь, все-таки культурно специфичны.

А.Черников: Мне кажется, что специфична, прежде всего, область проблем, с которыми мы сталкиваемся. Может быть, частично специфична. Но в подходах на уровне техник, технологий, которые при этом используются, какую-то специфику выделить сложнее. Специфичны, действительно, особая травматизация наших российских семей (в семейном контексте), трудности сепарации, которые ты неоднократно отмечала как характерную для российской культуры черту. Да, все это достаточно специфично. Но есть немало западных технологий, которые отлично работают и на русской почве. То есть, на мой взгляд, имеет место *содержательная специфичность* и *технологическая универсальность*. Скорее, под эту содержательную специфичность подбирается другой комплект методик, которые также существуют в западной психотерапии, но там они, возможно, “работают” на других сюжетах.

Т.Драбкина: Я вижу это несколько иначе. Мне кажется, что пока российский психотерапевт осваивает западный опыт, с импортированным западным методом уже что-то происходит. Я не утверждаю, что с ним обязательно должно происходить что-то плохое, наоборот... Поэтому если данный метод успешно работает, это уже не совсем тот метод, а несколько иной. И вопрос, работает он или нет, связан с тем, как это устроила система “метод-терапевт”... Например, данный метод у меня в руках не работает, у

меня есть какие-то протесты против него, у меня к нему претензии. Я его честно пытаюсь освоить, но у меня не получается.

Т.Снегирева: Не знаю, что происходит в моей системе “метод-психотерапевт”, хотя и пыталась думать на эту тему, но когда я провожу с семьей циркулярное интервью, то при определенных его поворотах чувствую опасность и в жестком рефлексивном режиме тщательно взвешиваю формулировку нужного вопроса. Я имею в виду вопросы “третьему лицу”. Они предполагают, что каждый член некоего внутрисемейного треугольного пространства может выступать в роли не только непосредственного участника отношений, но и наблюдателя или быть объектом наблюдения со стороны другого лица. И вот когда в позицию “третьего” ставишь ребенка (подростка), задавая ему вопросы относительно взаимодействий, в которые включены отец, мать или кто-либо из родителей и другой ребенок – носитель симптома, возникает ситуация, чреватая бурным родительским протестом, хотя в результате ряда технических уловок вопросы уже приняли взвешенную форму. Причина – тенденция к табуированию, все еще достаточно сильно выраженная в некоторых наших семьях. Табу – это не только запрет, но и, главное, – общее молчание, согласие с запретом, внутреннее его принятие. А вопросы указанного типа создают ту “трехмерность”, которая ведет к образованию рефлексивного пространства в семье или предполагает его наличие. То есть у них серьезная функция. Для большинства отцов непереносим самый факт, что он может быть объектом наблюдения со стороны своего сына и даже вынужден принимать его точку зрения. Цели психотерапии могут здесь вступать в противоречие с глубоко укорененным семейным консерватизмом.

А.Черников: Можно сказать, что эти методики, наоборот, очень активно работают, раз вызывают такой потрясающий эффект!

Т.Снегирева: Да, технологически. Но вы сами говорили о содержательной специфике. Иногда цели психотерапии начинают выглядеть слишком либеральными, а семейные правила, все эти табу слишком жесткими, консервативными. Причем, у меня был случай, когда это противоречие самими клиентами осознавалось как противостояние разнородных, антагонистических культуральных специфик.

А.Лидерс: А что все-таки имелось в виду, когда формулировалась эта тема круглого стола? Что случаются модификации западных подходов или же имелись в виду их модификации именно в русской культурной среде? Тогда ответ, наверное, должен указывать на определенные характеристики этой культурной среды. Это что, религиозность, например, или что-то другое?

А.Варга: Может быть, не религиозность, а соборность, низкий уровень индивидуации... Существуют излюбленные темы и наиболее часто встречающиеся варианты семейных дисфункций, характерные для местной

среды. Даже варианты подачи собственных проблем, их осознания и самого рассказа о них. Сам по себе русский язык, где смысл фразы не теряется от перемены мест подлежащего, сказуемого и прилагательного, в отличие, скажем, от английского языка, где порядок слов в предложении жесткий, тоже определяет особенности восприятия реальности и сказывается на мышлении, на способах описания проблем.

А.Шапиро: Конечно, мы изменяем методы, которыми пользуемся. Но каждый профессионал делает это как бы в своем русле. Интересно было бы учесть опыт всех профессионалов – тема, которая заслуживает того, чтобы ее исследовать. За полчаса эту проблему не решишь. И я думаю, что все заинтересованные психотерапевты должны как-то взаимодействовать в подобном исследовании. Может быть, это будет исследование семейной психологии, которое осуществится семейными психотерапевтами.

Т.Снегирева: К вопросу о методе и смене профессиональных пристрастий, о которой здесь много говорилось, в контексте культурной специфики... Быть может, нарративный подход в этом плане окажется нам ближе, чем сконцентрированная на взаимодействиях классическая системная семейная психотерапия? Идея, что реальность состоит из историй, которые люди составляют о себе, дабы понять, что с ними происходит, очень близка мысли Достоевского (и соответственно бахтинской традиции в отечественной психотерапии), что человек – главный автор своей жизни и не просто проживает ее, а “самосочиняет” себя, творит свой миф, как сказали бы мы сейчас. Отказ от экспертной позиции близок положению о принципиальном равноправии сознания терапевта и клиента, с утверждения которого много лет назад начала свое развитие отечественная диалогическая концепция. Можно говорить о системе “психотерапевт-клиент”, а можно об отношении “Я-Другой”, ну и так далее ...

А.Варга: Это нечто другое, это не совсем то, что представляет собой нарративный подход. Идея нарративного подхода состоит в том, что рассказ порождает реальность. В России – опасная внешняя среда, объективно опасная. Временная перспектива очень маленькая. Люди не планируют так далеко, как привыкли планировать в стабильном обществе. Поэтому эта замечательная идея, которая, вроде бы, ничем не грозит, что рассказ формирует реальность, приобретает здесь какой-то сатанинский оттенок. Среда ужасающая, а рассказы про нее – лучезарные. Сразу вспоминается Оруэлл, Министерство Правды и т.д.

Т.Снегирева: И все-таки тут есть внутренние параллели...

А.Варга: То есть получается, что вопрос открыт... Вроде бы, отмечаются некие тенденции модификации, но конкретно, как это происходит, на что влияет, мы сказать определенно пока не можем.

Е.Вроно: Если рассматривать все сказанное в постмодернистском контексте, то получается, что всякий раз, в каждом новом взаимодействии

возникает новая микрокультура. И тогда вообще все размывается... Учить все-таки разумнее чему-то устойчивому.

Т.Драбкина: Если следовать подобному пониманию системности, то параллельно развитию у нас в России системной психотерапии должны происходить какие-то встречные процессы. Иначе просто не может быть. Я хочу сказать, что, по мере того, как мы что-то делаем, применяем разные методы, модифицируем их, модифицируется и среда. Поэтому, как ни странно, с большинством клиентов вполне можно говорить на языке наших методов. Далеко не всегда бывает так, что обратившийся к нам человек – из совершенно другого мира.

А.Шапиро: Мне хочется сделать добавление к тому, о чем говорила Т.Снегирева. Диалогический подход, отправляющийся от идей М.М.Бахтина, а также культурно-историческая концепция Л.С.Выготского очень важны для семейной терапии, потому что могут многое дать взамен наработанных техник или, по крайней мере, существенно обогатить их. Важно еще раз это отметить. Недаром у наших зарубежных коллег существует интерес к работам этих авторов.

- Далее участники встречи перешли к обсуждению следующего, пятого, вопроса: *интеграция понятия функциональности семьи в процессе обучения*. Функциональность-дисфункциональность – альтернатива, которая входит в число базовых понятий системной семейной психотерапии. Тем не менее, значение этих понятий далеко не всегда оказывается ясным.

Г.Будинайте: Скорее, все-таки, эту тему нужно рассматривать в контексте предыдущей. И, может быть, она тоже останется под знаком вопроса. Когда идет процесс обучения, по крайней мере, классической системной модели, то, в случае усвоения этой модели, мы передаем или невольно формируем определенное представление о функциональности семьи. Тем самым задается оппозиция представлений о функциональном устройстве семьи, которые заменяют нам в данном случае представление о норме, и дисфункциональном. Если иметь в виду какие-то культуральные моменты, которые здесь, по всей видимости, возникают, то для меня открывается следующий факт. Ряд представлений, являющихся неотъемлемой частью этого идеала функциональности, усваиваются с трудом, во всяком случае, вызывают некоторое недоумение или смущение. На мой взгляд, это опять же связано с детоцентрированностью, характерной для многих наших семей, с присущей им патриархальностью. Представление о структурном устройстве семьи, которое предполагает четкие границы между супружеской/родительской подсистемой и детской, требует оговорок и дополнительных пояснений. Я не вижу здесь повода для серьезной проблематизации, но, тем не менее, не могу не отметить данный момент, так как посто-

янно с ним сталкиваюсь. Представления о детско-родительской коалиции как о чем-то дисфункциональном наталкиваются на контраргументы морально-этического свойства. Да, он вызывает интерес, но в то же время требует дополнительного объяснения и специального обсуждения. Я только это хотела сказать. Или, например, с чем я еще сталкиваюсь. Сама идея, что супружеская подсистема представляет самооценку и требует поддержки и восстановления, по крайней мере, на определенном этапе развития семьи, у моих юных студентов вызывает недоумение. Ну как же, ведь в этой нуклеарной семье мама и папа – прежде всего родители. А когда начинаешь говорить о том, что дисфункциональность семьи зачастую компенсирует супружеские нарушения, требуются специальные усилия, чтобы это понять. Не говоря уже о вопросах сепарации и тех представлений о функциональности, которые предполагают, что в период так называемой юной взрослости вступившие в него дети покидают родительский дом, и таково нормальное условие развития семьи и перехода ее от одного этапа к другому. Перечень такого рода моментов можно было бы продолжить. Следуя постмодернистскому взгляду, можно было бы сказать следующее. Рассмотрение семьи в данном контексте имеет смысл только тогда, когда существует симптом или уже ощущается дискомфорт, что и становится терапевтическим запросом. Пропагандировать и распространять эти теоретические положения как некую идеальную норму, по всей видимости, не имеет смысла. Это, действительно, один из взглядов, который позволяет нам справляться с дисфункцией семьи, когда мы эту дисфункцию рассматриваем с точки зрения того, насколько она удалена от условно нормативного функционального устройства.

Э.Бурчаганов: Понятие функциональности/дисфункциональности семьи, в частности, может стать источником стресса у студентов. Ведь они наверняка применяют эти знания к себе, к своей семье... Поэтому система обучения должна быть построена так, чтобы студенты получали не только знания и навыки, но и могли рассчитывать на эмоциональную поддержку. Возникающий в процессе обучения стресс необходимо перерабатывать “на месте” – в этой же системе. Возможно, “рефлексивные команды”, о которых тут говорилось, могут помочь студентам этот стресс преодолеть.

Т.Снегирева: Я сталкиваюсь с тем же, что и Гражина, читая курс системной семейной психотерапии, но в рамках второго высшего и дополнительного образования. Правда, благодаря, как видно, возрасту моих слушателей (это взрослые люди, многие из которых уже обзавелись собственными семьями и детьми), после первого недоумения они преодолевают внутренний барьер и с удивляющей меня готовностью принимают классическую модель функциональности-дисфункциональности семьи как свод правил, которые стоит включить в свою профессиональную и житейскую систему координат... И тогда, напротив, приходится напоминать, что в

семейной психотерапии критерии нормы и отклонений от нее, в том числе функциональности-дисфункциональности, работают не с такой четкостью, как аналогичные понятия в клинической психологии. В поддержку реплики Эдика скажу, что, действительно, некоторые из слушателей захотели пройти у меня дидактическую терапию, т.к. увидели связь собственных проблем с контекстом родительской семьи. Для меня это был очень интересный опыт.

Е.Вроно: Я думаю, что все-таки это не совсем проблема *интеграции* представлений о функциональности семьи. Скорее, это проблема этапа обучения – всем известная “болезнь” студентов второго курса. Все мы так любили искать у себя акцентуации и симптомы психопатии...

А.Варга: Актуально то, что большинство хочет быть в норме и пугается не нормы.

Е.Вроно: Тоже верно. Среда в целом не толерантна к любым отличиям, особенностям и девиациям.

Г.Будинайте: А второй вопрос, который здесь же возникает, опять-таки связан с различием между классическим системным подходом и постмодернистским. С точки зрения последнего, никакая жесткая оппозиция функциональности-дисфункциональности неприемлема. Движение к постмодернистскому взгляду начиналось с того, что данная оппозиция становилась все менее жесткой. В первое время терапевт одновременно выделял и дисфункциональность, и возможную конструктивность, сразу же пытаясь обнаружить признаки конструктивности в этой как бы дисфункциональной семье. А дальше все шло к отказу от какой бы то ни было бинарной оппозиции и к признанию того, что любая история плоха лишь тем, что она дискомфортна, и надо построить более удобную.

Т.Снегирева: Но ведь, надо признать, и так бывает, что история хороша тем, что дискомфортна, и она просто не может быть другой, и задача вовсе не в том, чтобы поскорее сделать ее “удобной”. Возможно, это слово случайно слетело с языка, но я бы не спешила связывать его ни с целями психотерапии, ни с представлением о функциональности семейной системы... Все-таки совершенно очевидно, что, придерживаясь тех или иных терапевтических концепций, мы произвольно привносим в жизнь особую культуру. И поэтому снова и снова будем сталкиваться с вопросом, как эта культура совмещается с тем, что бытует в реальности.

Н.Манухина: Что тут более всего важно? Чтобы не возникало двойственности. Семья живет в соответствии со своими представлениями и пытается сделать все “по норме”, как это ею понимается. Если терапевт или тренер занимают позицию человека, твердо знающего, что такое норма на самом деле, – а отсюда происходят понятия функциональности и дисфункциональности, – то эта “наша норма” может не совпадать с клиентской. Поэтому мы уходим от понятия дисфункциональности вообще. Мы пони-

маем, что в момент обращения к терапевту семья не справляется с задачами, стоящими перед ней, но, тем не менее, каким-то образом функционирует. И в первую очередь мы выясняем, как же она функционирует, а не в чем она дисфункциональна. Именно поэтому клиенты положительно реагируют на нормализацию того, что у них происходит. Если же мы начинаем бороться с их представлением о функциональности, то у них возникает ступор: кто же они и как существуют вообще?

А.Варга: Где нет функциональности, там нет и дисфункциональности.

Е.Жорняк: Вопрос в том, кто решает, есть дисфункция или ее нет: либо эксперт, либо в сотрудничестве с семьей.

Г.Будинайте: Можно еще один аспект, который явно возникает в связи с постмодернистской идеей? В связи с отказом от такого положения, при котором наличествует эксперт и экспертируемые, можно говорить и об особой эмоциональной поддержке клиента, который, конечно, все-таки приходит с известным стандартом ожиданий. Он может испытывать стресс по причине, что его ожидания относительно экспертного суждения со стороны терапевта не восполняются. Вот какой вопрос здесь еще возникает, возможно, довольно серьезный... От чего терапевт отказывается?

Е.Жорняк: Терапевт отказывается от экспертной позиции. Он готов к тому, что будет работать с клиентом на его языке и следовать за ним, не рассматривая его в терминах дисфункциональности.

Т.Снегирева: Меня занимает вопрос, почему это весьма потертое положение об отказе от экспертной позиции, которое в гуманитарной психотерапии со столь давних пор считается общепринятым, что сейчас все чаще поговаривают о том, что пора бы к этой экспертной позиции вернуться, приобретает такую животрепещущую актуальность в рамках системной семейной психотерапии? Что, разве там психотерапевт непременно и во всех случаях выступает вот в такой прямолинейной позиции эксперта без всяких поправок на индивидуальный почерк, концептуальные межшкольные различия, их взаимное преодоление и прочие “смягчающие обстоятельства”? Между прочим, если признается относительность в диагностике симптома, то со всей необходимостью должна допускаться и относительность экспертной позиции.

А.Варга: Есть же стратегический подход, где терапевт говорит семье: я все понял, и я вам скажу, что надо делать... При этом он не имеет в виду некую общую норму. У него есть некоторое представление, какой быть именно данной семье, и стратегия терапевта заключается в том, чтобы предложить семье путь “попадания” в желательную для нее ситуацию взаимодействия. Это директивная экспертная позиция.

Вместе с тем, конечно, отказ от позиции эксперта может граничить с профессиональной безответственностью. Очень удобно сказать: ах, я ничего не знаю. Милтон Эриксон говорил, что люди обычно сами знают, как

исправить положение, но в подобном случае профессиональная ответственность терапевта состоит в том, чтобы сделать это тайное знание достоянием этих людей и предоставить им эмоциональную поддержку для более легкого прохождения предстоящего пути.

Т.Драбкина: У меня есть дополнение. Насколько я понимаю постмодернистский подход, там, на самом деле, никто ни от чего не отказывается. Потому что есть история клиента. И если клиент мыслит в понятиях нормы – не нормы, то мы же не будем говорить ему, что он дурак, и ничего подобного нет. Мы будем говорить с ним, обсуждать вопросы на том языке, который понятен клиенту. Поэтому я не думаю, что при такой профессиональной работе клиент будет испытывать стресс оттого, что мы как бы перешли эту парадигму. Потому что все равно мы будем работать в его системе представлений.

Т.Снегирева: Просто я чувствую в формуле об отказе от экспертной позиции словесную игру. Никакой уважающий себя профессионал не будет отказываться от экспертной позиции, только, возможно, она заключается в другом. Не в заведомом знании, какой быть семье, и не в директивных предписаниях, как ей этого добиться, а, скажем, в профессиональном опыте.

А.Варга: На основе выступлений вырисовывается, по крайней мере, общий контур возможной интеграции понятий функциональности семейной системы в условиях разного понимания системности. Может быть, с некоторыми потерями, с отказом от каких-то положений, с размышлениями, что принимать, а что не принимать в новейших школах. Возможно, у нас еще будет случай повторного, более детального обсуждения вопросов, которые затрагивались сегодня.

От редакции: Хотя заявленная проблематика “Круглого стола” касалась, прежде всего, вопросов преподавания системной семейной психотерапии, обсуждение вылилось далеко за рамки данной темы. И это не случайно. Системная семейная психотерапия оказалась в фокусе столкновения противоречивых тенденций, присущих не только современной психотерапии, но и культуре в целом. Возникнув в 50-60-е годы минувшего века на волне пересмотра принципов классической науки в пользу новой, системной, методологии, ССТ сегодня и сама подвергается ревизии со стороны постмодернистских направлений, получивших развитие в западной психотерапии в течение двух последних десятилетий и также апеллирующих к общей теории систем в качестве своего источника. Таким образом, создается классический проблемный “треугольник”: общая теория систем – системный подход в семейной психотерапии – новое понимание системности в постмодернистских направлениях. Образовавшееся полемическое пространство побуждает нас сформулировать ряд дополнительных вопросов.

Прежде всего, какими глобальными причинами обусловлен и как проявляется постмодернизм в науке – в частности, в психотерапии и смежных с нею – психологии и психиатрии?

Какие положения классической системной семейной психотерапии можно отнести к ее “золотому фонду” (а, возможно, и к “золотому фонду” психотерапии в целом)?

Что качественно нового и существенного привносит постмодернистская модель в психотерапию, семейную в том числе?

Возможна ли интеграция отдельных фундаментальных понятий *ССТ* с их вариантами в постмодернистских школах без определенного ущерба для теории, в контексте которой данные понятия были разработаны?

В каких терминах рассматривается ревизия классических представлений о системности в *ССТ* при переходе к постмодернистским подходам – как революция (стратегия «или/или») или как эволюция (стратегия «и/и»)?

Возможен ли третий путь, использующий скрытые в *ССТ* ресурсы в контексте развития отечественной психологии и психотерапии?

Эти вопросы найдут отражение в ближайших публикациях журнала.